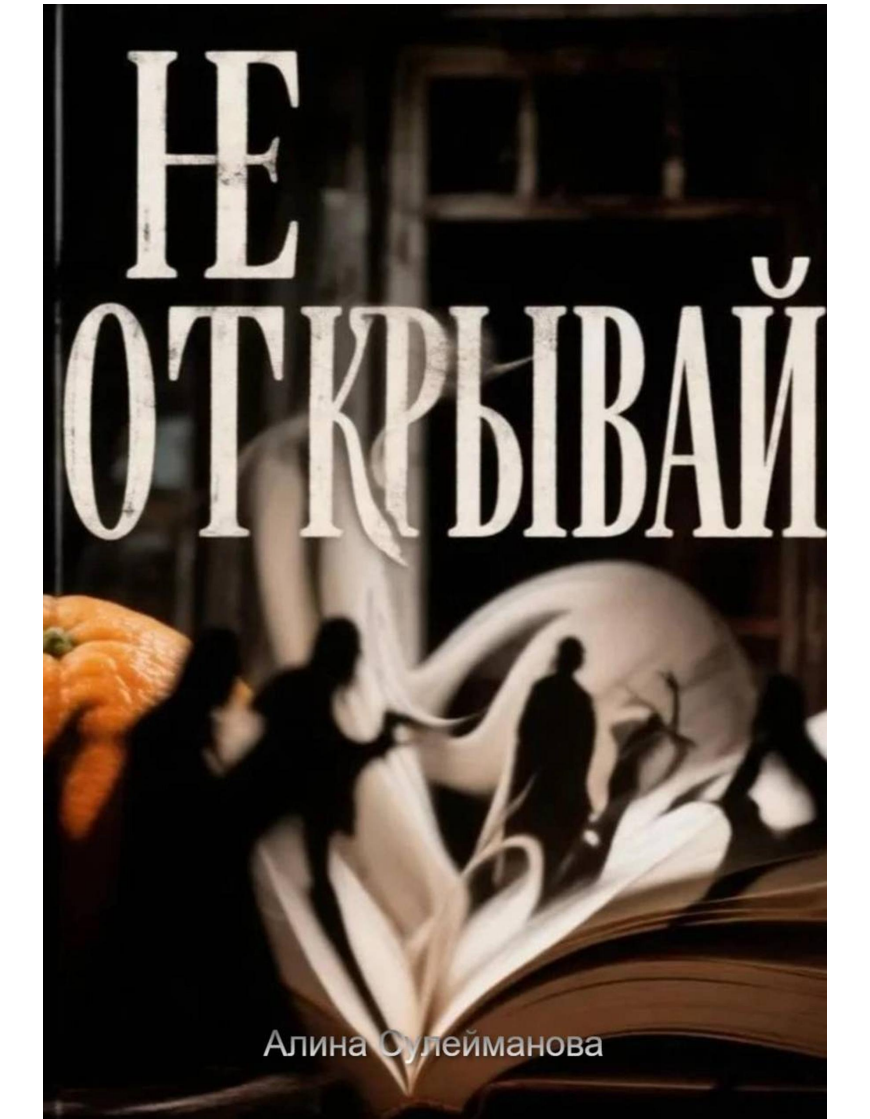

НЕ ОТКРЫВАЙ

The background of the cover is a dark, atmospheric photograph. In the foreground, an open book is visible, with its pages fanned out. Behind the book, several silhouetted figures are standing in a dimly lit room, possibly a library or a study. A large, glowing orange sphere, resembling a lantern or a piece of fruit, is positioned on the left side of the image. The overall mood is mysterious and contemplative.

Алина Сулейманова

Алина Сулейманова

Не открывай

<https://litres.ru/74534648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк Северов выходит из тюрьмы после семи лет заключения. Он не знает, куда идти, и не знает, кем стать. Социальный работник даёт ему адрес: маленький городок на краю страны, работа в автомастерской, комната над гаражом. Шанс начать всё сначала. Но Марк не верит в новые начала. Он верит только в то, что тень, которую он увидел на асфальте в свой последний день за решёткой, никуда не исчезла. Она просто ждала.

Город встречает его пустыми улицами, закрытыми ставнями и запахом ржавчины и апельсинов. Здесь никто не выходит после заката. Здесь не открывают дверь, если стучат три раза. Здесь не едят апельсины — потому что апельсины это память, а память это дверь, которую нельзя открывать. Марк нарушает все правила одно за другим. И с каждым нарушением тень становится больше, темнее, ближе. Она принимает облик тех, кого он потерял. Она говорит их голосами. Она знает то, что он похоронил семь лет назад. Она хочет, чтобы он вспомнил.

Алина Сулейманова

Не открывай

Глава 1. Автобус

Автобус умирал долго и мучительно, и его двигатель ревел с надрывом, от которого лязгали зубы у всех пассажиров. В воздухе стоял густой запах дизельного топлива, смешанный с вонью немых тел и мокрой шерсти старых сидений. Я сидел на самом заднем сиденье, вжавшись в угол и прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как мимо проплывают бесконечные поля с пожухлой кукурузой. Осень здесь вступила в свои права рано, окрасив весь мир в цвета старой бронзы, ржавчины и гниющей листвы. За окном моросил мелкий занудный дождь, какой бывает только в концах света, куда никто не едет по доброй воле. Я не спал уже третьи сутки подряд, и это было хуже любой пытки, которую я мог себе представить. Каждый раз, когда я закрывал глаза, передо мной возникали лица тех, кого я оставил позади. Каждый раз, когда я открывал их, я видел только серую дорогу и серое небо. Между этими двумя состояниями не было никакой разницы, и это было самым страшным.

В тюрьме шум — это постоянный фон, к которому привыкаешь так же, как к биению собственного сердца. Лязг металлических дверей и крики надзирателей сливаются в одну бесконечную симфонию, от которой уже не можешь отвык-

нуть. Чей-то плач по ночам и тихий шепот в темноте становятся твоими колыбельными, и ты засыпаешь под них, не обращая внимания. Ты просыпаешься под этот же шум и уже не помнишь, что когда-то было иначе. Здесь, в этом автобусе, тишина давила на уши с такой силой, что казалось, будто голова сейчас взорвется. Тишину прерывало лишь редкое карканье ворон за окном и шорох шин по мокрому асфальту. Тишина была хуже любого шума, потому что в тишине просыпались мысли, а мысли были моим самым страшным врагом. Я пытался думать о чем-то нейтральном, о погоде или о работе, которая меня ждала. Но мысли всегда возвращались к одному и тому же, и я не мог их остановить.

Я провел рукой по коротко стриженным волосам и почувствовал под пальцами жесткие шрамы на затылке. Эти шрамы были памятью о первом годе отсидки, когда я был другим человеком. Тогда, семь лет назад, я был моложе, глупее и злее, чем сейчас. Я думал, что смогу выжить в этом аду и не сломаться, но я ошибался. Тюрьма ломает всех, и не важно, насколько ты сильный. Она высасывает из тебя что-то важное и оставляет только пустую оболочку. В кармане куртки лежало все мое богатство, и это было жалкое зрелище. Мятая пачка купюр и документы с адресом, написанным корявым почерком социального работника. Женщина с уставлыми глазами и потрескавшимися губами не смотрела на меня, когда говорила. Они никогда не смотрят на таких, как я, и это было нормально. Я привык к тому, что люди отводят

взгляд, когда видят меня. Я привык к тому, что меня боятся, и это было даже удобно.

— Там тебя ждут, — сказала она, не поднимая глаз от бумаг. — Работа, жилье. Шанс начать всё сначала. Только не облажайся, слышишь? В этом городе не любят тех, кто приносит проблемы.

Я усмехнулся тогда, потому что проблемы — это единственное, что я умел приносить. Проблемы, боль и разрушение были моим талантом, моим даром и моим проклятием одновременно. Я закрыл глаза и снова увидел тюремную камеру размером два на три метра. Койка, столик и унитаз без сиденья — вот и все, что у меня было. Стена, на которой я отмечал дни ногтем, была моим календарем. Сначала я отмечал каждый день, потом каждую неделю, а потом каждый месяц. Время там течет иначе, потому что оно густеет и становится вязким, как патока. Ты ждешь освобождения, но когда оно приходит, ты не знаешь, что с ним делать. Свобода пугала меня больше, чем решетка, и это было самое страшное открытие в моей жизни. Я провел в тюрьме семь лет, и за эти семь лет я забыл, что значит быть свободным.

За семь лет я забыл, каково это — принимать решения самостоятельно. В тюрьме всё решали за тебя, и ты просто следовал правилам. Когда вставать, когда есть, когда спать и когда дышать. Ты просто следовал правилам, и если ты следовал им достаточно хорошо, тебя не трогали. Я научился быть незаметным и научился быть тенью. Я научился растворять-

ся в стенах и становиться частью серого бетона. Ирония в том, что тени сыграли в моей жизни роковую роль. Я открыл глаза и посмотрел на свои руки, которые были большими и грубыми. На них были мозоли и шрамы, и эти руки умели ломать и убивать. Теперь эти руки должны были научиться чинить, и я не знал, получится ли у меня. Я не знал, смогу ли я стать другим человеком, или тюрьма навсегда останется во мне. Я боялся, что она останется, и этот страх был сильнее всего остального.

Автобус с шипением остановился у покосившейся таблички с названием города. Название стерлось от времени, и я не смог его прочесть. Может, это было и к лучшему, потому что меньше знаешь — крепче спишь. Я вышел на улицу, и первое, что ударило в нос — это запах. Не выхлопные газы и не сырость, а странная смесь ржавчины, мокрой земли и апельсинов. Сладковатый и приторный запах цитрусовых совершенно не вязался с этим унылым пейзажем. Я списал это на галлюцинации уставшего мозга, потому что мозг после тюрьмы — это отдельная вселенная. Он играет с тобой в игры и показывает то, чего нет. Он заставляет тебя слышать то, чего не существует, и ты веришь этому. Я глубоко вдохнул и закашлялся, потому что воздух был тяжелым и влажным. Он был будто пропитан чем-то древним и болезненным, и от этого становилось не по себе. Я стоял на остановке и смотрел на город, который должен был стать моим новым домом. Он не выглядел гостеприимным, и это было мягко сказано.

Городок встретил меня пустыми улицами, и это было странно для середины дня. Дома здесь выглядели так, будто их построили сто лет назад и с тех пор ни разу не ремонтировали. Краска облупилась, ставни перекошены, а в окнах горел тусклый желтый свет. Прохожих не было вообще, и это настораживало больше всего. Только стоя тощих собак перебежала дорогу и не обратила на меня ни малейшего внимания. Собаки здесь были странные, потому что были худые до костей. У них была тусклая шерсть и глаза, полные какой-то собачьей тоски. Я шел по главной улице, и каждый мой шаг отдавался гулким эхом в пустоте. Тишина была абсолютной, и в ней не было ни лая, ни детского смеха. Не было ни звука телевизора, ни шума машин, и это было противоестественно. Я чувствовал себя призраком, который вернулся в мир живых и не знает, как здесь себя вести. Я чувствовал себя чужим в этом городе, и это чувство было мне знакомо.

В тюрьме я мечтал об этом моменте и представлял его тысячи раз. Я представлял, как выйду на свободу, вдохну полной грудью и почувствую солнце на коже. Но реальность оказалась совсем другой, и это было жестокое разочарование. Свобода — это не праздник, а холодный душ и удар под дых. Это когда ты стоишь посреди улицы и не знаешь, куда идти, потому что все дороги ведут в никуда. Я остановился и посмотрел на свое отражение в мутном стекле витрины. Оттуда на меня смотрел мужчина лет сорока с уставшим лицом и темными кругами под глазами. У него была щетина на впа-

лых щеках и серые пустые глаза, как у рыбы на льду. Это был я, и в то же время это был не я. Тюрьма меняет людей и высасывает из них что-то важное, оставляя только оболочку. Я отвернулся и пошел дальше, потому что не хотел смотреть на это отражение. Я не хотел видеть то, во что превратился, и это было трусостью.

Дойдя до автомастерской, указанной в бумагах, я остановился и посмотрел на вывеску. Вывеска гласила «Ремонт и запчасти», и буква «Р» на ней мигала. Она издавала тихий щелкающий звук, похожий на перелом кости. Я постоял минуту, собираясь с духом, потому что в тюрьме я научился не показывать страх. Но это не значит, что я его не чувствовал, и сейчас я чувствовал его очень сильно. Внутри пахло машинным маслом и старым кофе, и этот запах был почти приятным. За стойкой сидел мужчина лет шестидесяти с лицом, похожим на сморщенный грецкий орех. Он не поднял головы, когда звякнул колокольчик над дверью. Он просто сидел и смотрел в стол, будто видел там что-то, чего не видел я. Я стоял в дверях и ждал, когда он обратит на меня внимание. Он не обращал, и это было странно.

— Здравствуйте, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я по поводу работы. Мне сказали, вам нужен механик.

Мужчина медленно поднял глаза, и они были бледно-голубыми и почти прозрачными. Он смотрел сквозь меня, будто я был пустым местом. Или будто он видел что-то за мо-

ей спиной, что-то, что стояло прямо у меня за плечом. Я невольно обернулся, но там никого не было. Только пустая улица и серое небо, и это было почти разочарованием.

— Значит, прибыл, — прошелестел он, и его голос был сухим, как песок. — Документы.

Я протянул бумаги, и он взял их двумя пальцами, словно они были заразными. Он долго изучал их, не произнося ни слова, и в мастерской стояла тишина. Эту тишину нарушали лишь капли воды, падающие в таз где-то в углу. Кап. Кап. Кап. Этот звук действовал мне на нервы, потому что в тюрьме был точно такой же звук. Капала вода из прохудившегося крана в камере этажом выше, и я слушал его семь лет. Семь лет и двадцать пять тысяч капель, а может, и больше. Я считал их, потому что это было единственное, что я мог делать. Я считал их, потому что это помогало не сойти с ума, и это было важно.

— Семь лет, — наконец произнес он. — За что?

— Ограбление, — соврал я, потому что врать я умел хорошо. Настоящая причина была хуже, и я не собирался ее вспоминать. Не сейчас и, может быть, никогда.

Он кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то странное. Это было не осуждение и не страх, а скорее узнавание. Может, он видел таких, как я, и не раз. Может, он видел их слишком много, и это его утомило.

— Меня зовут Аким Львович, — сказал он, возвращая документы. — Будешь работать у меня. Жить будешь в ком-

нате над гаражом. Плата — половина зарплаты. Не пьешь?

— Нет, — ответил я, и это была правда.

— Хорошо, потому что здесь это не приветствуется. — Он сделал паузу и посмотрел на меня внимательно. — Есть правила. Первое: не выходи на улицу после заката. Второе: если увидишь что-то странное — не твое дело. Третье: никогда, слышишь, никогда не открывай дверь, если стучат три раза.

Я моргнул, потому что не ожидал услышать такое.

— Три раза?

— Именно три. Один раз — это почтальон. Два — сосед. Три... — Он замолчал, и его лицо на мгновение исказила гримаса, похожая на боль. — Просто не открывай, и все.

Я хотел спросить, что случится, если я открою, но что-то в его взгляде заставило меня промолчать. Я просто кивнул, потому что в тюрьме я научился не задавать лишних вопросов. Вопросы привлекают внимание, а внимание — это последнее, что мне было нужно. Я стоял и ждал, когда он скажет мне, что делать дальше. Он молчал, и я тоже молчал.

Работа оказалась именно такой, как я и ожидал, потому что была тяжелой и грязной. Я чинил старые пикапы, менял масло и варил кузова. Руки, привыкшие к тюремной рутине, быстро вспомнили, что такое настоящий труд. К вечеру я вымотался так, что едва стоял на ногах. Но это была хорошая усталость, честная, после которой спишь без снов. Комната над гаражом была маленькой и пыльной, и в ней стояла кровать с продавленным матрасом. Был стол, стул и окно, вы-

ходящее на главную улицу. Я открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, и снова почувствовал этот запах. Ржавчина и апельсины, и теперь этот запах был сильнее. Казалось, он пропитал стены и впитался в обои. Он пропитал мою одежду и мои волосы, и я не мог от него избавиться. Я стоял у окна и дышал, пытаюсь понять, откуда он идет. Я не находил ответа, и это было тревожно.

Смеркалось, и я стоял у окна, наблюдая за тем, как город засыпает. Точнее, как он готовится ко сну, потому что это было странное зрелище. Ровно в семь вечера улица опустела, и это произошло мгновенно. Ставни закрылись с громким стуком, и двери захлопнулись одна за другой. Свет в окнах погас, словно кто-то щелкнул выключателем на всем городе разом. Тишина стала абсолютной, и даже собаки перестали лаять. Я слышал только свое дыхание и тихий шелест ветра в проводах. Я лег на кровать, не раздеваясь, и уставился в потолок. Сон не шел, потому что в голове крутились мысли о прошлом. О том, что я оставил позади, и о том, что ждет меня впереди. О том, кем я был и кем стал. Я лежал и смотрел в потолок, и потолок смотрел на меня.

Я вспомнил свой последний день в тюрьме, и это было больно. Надзиратель с ключами, звякающими на поясе, и длинный коридор, ведущий к воротам. Солнечный свет, бьющий в глаза, и я стоял на пороге, не в силах сделать шаг. Ноги не слушались, потому что свобода была как обрыв. Ты стоишь на краю и знаешь, что должен прыгнуть, но что-то внут-

ри тебя кричит. Останься, потому что здесь безопасно. Здесь ты знаешь правила, и здесь тебя не ждет неизвестность. Я сделал шаг, и еще один, и еще. Каждый шаг был как удар ножом в сердце. А потом я увидел свою тень, и это было начало конца.

Она лежала на асфальте передо мной и была длинной и темной. Обычная тень, искаженная перспективой, но что-то в ней было не так. Она двигалась не в такт со мной, и это было странно. Я сделал шаг вправо, а она осталась на месте. Я поднял руку, а она опустила свою. Я замер, и сердце заколотилось где-то в горле. Тень медленно повернула голову, и я этого не делал. Я стоял неподвижно, а тень поворачивала голову, будто осматривалась. Будто искала что-то, и это было жутко. А потом она улыбнулась, и я моргнул. Тень исчезла, и на асфальте не было ничего, кроме моего собственного силуэта. Я списал это на нервы и стресс, потому что семь лет в тюрьме не проходят бесследно. Психика — это хрупкая вещь, и она ломается тихо и незаметно. Ты даже не понимаешь, что уже сошел с ума, и это самое страшное.

Но теперь, лежа на кровати в этом странном городе, я снова вспомнил ту улыбку. Тень улыбалась, и это была не моя улыбка. Я закрыл глаза и попытался дышать ровно. Вдох и выдох, вдох и выдох. В тюрьме я научился этому, потому что нужно дышать, когда хочется кричать. Нужно молчать, когда хочется плакать. Нужно терпеть, когда хочется умереть. Вдруг я услышал стук, и он был тихим, но отчетливым. Он

шел от входной двери вниз. Один раз. Я замер. Два раза. Я сел на кровати и вцепился руками в край матраса. Три раза. Тишина.

Я сидел неподвижно и боялся даже дышать. Правило глаголю, что нельзя открывать дверь, если стучат три раза. Но что, если это хозяин? Что, если что-то случилось? Что, если... Стук повторился, и это были три удара. Медленных и настойчивых, и я встал. Ноги были ватными, и я подошел к лестнице, ведущей вниз. Я посмотрел в темноту, и дверь в мастерскую была заперта на засов. Я видел его — тяжелый кусок металла, который должен был защищать меня от внешнего мира. Но стук не прекращался и становился громче. Три удара, три удара, три удара. И с каждым разом что-то в этом ритме менялось. Он становился настойчивее и злее, и это пугало.

Я спустился по лестнице медленно и шаг за шагом. Деревянные ступени скрипели под ногами, и я чувствовал, как холодный пот стекает по спине. А потом я увидел свою тень, и она лежала на стене рядом со мной. Она была длинной и искаженной, и дрожала в свете уличного фонаря. Я поднял руку, и тень подняла свою. Я сделал шаг, и тень сделала свой. Но что-то было не так, потому что тень была больше меня. Она была длиннее и массивнее, и у нее были плечи, которых не было у меня. У нее были руки, которые были длиннее моих. И голова — она была наклонена набок, будто тень слушала что-то. Она слушала то, чего не слышал я, и это было

страшно.

— Открой, — прошептал кто-то за дверью, и голос был знакомым. Слишком знакомым, и я застыл на месте. — Открой, я знаю, что ты там. Я ждал тебя.

Это был голос моего брата, того самого, из-за которого я сел. Того самого, который умер пять лет назад. Я застыл на месте, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Это невозможно, и это игра воображения. Это...

— Открой, — повторил голос. — Ты же не хочешь, чтобы я вошел сам.

Стук превратился в грохот, и дверь задрожала. Словно в нее ломилось что-то огромное и сильное. Я слышал, как трещит дерево и как скрежещет засов. Я бросился к двери и прижался к ней всем телом. Я упирался ногами в пол, и грохот стал невыносимым. Я чувствовал, как что-то давит с той стороны. Что-то древнее и голодное, и это было хуже всего. А потом я увидел тень, и она стояла рядом со мной. Не на стене и не на полу, а стояла как человек. Как живое существо, и это было невозможно. Темная и бесформенная, с длинными руками и головой, наклоненной набок. Она смотрела на меня, и у нее не было глаз. Но я чувствовал этот взгляд, и он был тяжелым и липким. Он проникал под кожу, и от него не было спасения. И она улыбалась, и я видел эту улыбку. Темную и кривую, полную зубов, которых не должно было быть у тени. Она улыбалась мне, будто знала что-то, чего не знал я. Будто ждала этого момента всю мою жизнь.

— Убирайся! — закричал я, сам не понимая, что делаю.
— Убирайся!

И внезапно всё стихло, и я стоял, прижавшись к двери. Я тяжело дышал, и тишина вернулась. Только капли воды все еще падали в таз. Кап. Кап. Кап. Я подождал еще минуту, а потом еще одну. Ничего не произошло, и я медленно отодвинулся от двери. Я посмотрел на засов, и он был цел. Дерево не треснуло, и всё было так, как я оставил. Тень исчезла, но на полу, прямо у порога, лежал маленький апельсин. Идеально круглый и ярко-оранжевый. Он светился в темноте, как маленькое солнце. Я не стал его трогать и просто вернулся наверх. Я лег на кровать и уставился в потолок, слушая, как колотится сердце.

Утром хозяин ждал меня в мастерской, и он пил кофе. Он смотрел в окно, и когда я вошел, он даже не обернулся.

— Первая ночь, — сказал он. — Тяжело?

Я не ответил, потому что не знал, что сказать.

— Привыкнешь, — продолжил он, отхлебывая из кружки.
— Все привыкают. Или уезжают. Но ты не уедешь, верно? Тебе некуда идти.

Я посмотрел на него, и в его глазах не было ни капли сочувствия. Только усталость, бесконечная и древняя усталость. Это была усталость человека, который видел слишком много и слишком долго молчал.

— Что это было? — спросил я. — Кто стучал?

Он наконец повернулся ко мне и улыбнулся. Но улыбка

вышла кривой, и это было неприятно.

— Ты не поверишь, — сказал он. — И не надо. Просто делай свою работу. Не выходи после заката и не открывай дверь. И если найдешь апельсин — выбрось его. Не ешь. Никогда не ешь.

— Почему апельсин? — спросил я, потому что не мог не спросить.

Он отвернулся и снова уставился в окно.

— Потому что они хотят, чтобы ты вспомнил, — сказал он тихо. — А ты не должен. Воспоминания — это дверь, а дверь должна оставаться закрытой.

Я стоял посреди мастерской и чувствовал, как утренний свет заливает комнату. За окном город просыпался, и люди выходили из домов. Они открывали магазины и здоровались друг с другом. Обычная жизнь и обычный город, но я знал, что это ложь. Под этой обыденностью скрывалось что-то темное. Что-то, что ждало и что знало мое имя. Я вышел на улицу и глубоко вдохнул. Запах ржавчины и апельсинов снова ударил в нос. Теперь я знал, что это не галлюцинация. Это предупреждение, и я должен был его услышать.

Я посмотрел на свою тень, и она лежала на асфальте передо мной. Длинная и темная, и это была обычная тень. Но я знал, что это не так. Я видел, как она улыбалась, и я видел, как она смотрела на меня. В кармане куртки лежал апельсин, и я не помнил, как он там оказался. Но я знал, что не должен его есть. И все же что-то внутри меня хотело попробовать.

Хотело вспомнить, и это было искушение. Я сжал кулак и почувствовал, как ногти впиваются в кожу. Нет, я не буду. Я не открою дверь и не вспомню. Но глубоко внутри, в самой темной части моей души, я знал, что это только начало. И город уже начал свою игру, а я был лишь пешкой в ней.

Я бросил апельсин в канаву и пошел обратно в гараж. Работа ждала, а работа — это единственное, что могло меня спасти. Но когда я шел, я чувствовал, как тень следует за мной. Она не отставала ни на шаг, и иногда я клянусь, что она шептала. Тихо и едва слышно, но она шептала. И голос был мой, и это было самое страшное.

Глава 2. Первый рабочий день

Утро началось с запаха кофе и машинного масла. Аким Львович уже стоял у верстака и что-то точил на станке. Искры летели в стороны, и в их свете его лицо казалось вырезанным из дерева — тёмным и сухим. Он не обернулся, когда я вошёл, но я знал, что он меня видит. Он видел всё, даже то, чего не было.

— Сегодня поедешь со мной, — сказал он, не оборачиваясь. — Есть одна машина на выезде. Ферма в десяти милях к северу. Дорогу знаешь?

— Нет.

— Значит, узнаешь.

Он бросил мне ключи от старого пикапа, и я поймал их на лету. Ключи были холодными и тяжёлыми, как маленькие

надгробия. Мы выехали через десять минут. Городок проплывал за окном — серый, приземистый, будто придавленный к земле небом. Люди шли по улицам, и все они выглядели одинаково: усталые лица, опущенные плечи, взгляды, устремлённые в асфальт. Никто не смотрел по сторонам. Никто не смотрел вверх.

— Они боятся, — сказал я, не подумав.

Аким Львович хмыкнул.

— Они не боятся. Они помнят. Это хуже.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но мы уже выехали за город, и пейзаж за окном сменился на бесконечные поля. Кукуруза стояла пожухлая и серая, и в ней что-то шевелилось. Я видел краем глаза, как колосья расступаются, будто по полю идёт кто-то большой и невидимый. Я не стал оборачиваться. В тюрьме я научился не оборачиваться, потому что там за спиной всегда кто-то стоит. Здесь было то же самое, и это было плохим знаком.

Ферма оказалась старым ранчо с покосившимся забором и домом, который давно не видел краски. Нас встретил фермер — огромный мужчина с руками, как лопаты, и глазами, которые смотрели куда-то мимо. Его звали Гарри, и он говорил медленно, будто каждое слово давалось ему с трудом.

— Трактор сдох, — сказал он. — Второй раз за месяц. Я его чиню, а он снова ломается. Будто кто-то не хочет, чтобы я работал.

Аким Львович кивнул и пошёл к трактору. Я остался у

пикапа, разгружая инструменты. И тогда я увидел её. Девушка стояла у края поля, босиком, в лёгком платье, которое не по погоде. Её волосы были растрёпаны, а глаза — огромные и пустые. Она смотрела на меня, и я почувствовал, как холод пробегает по спине. Она улыбнулась — медленно, будто вспоминая, как это делается. А потом подняла руку и помашила меня пальцем. Я сделал шаг вперёд, не понимая, что делаю. И тогда Аким Львович схватил меня за плечо.

— Не смотри на неё, — прошипел он. — Не смотри и не иди. Она не для тебя.

— Кто это?

— Никто. Она уже пять лет как мертва.

Я обернулся, но девушки уже не было. Только кукуруза шевелилась, будто там кто-то прошёл. Я посмотрел на Акима Львовича, и в его глазах было что-то, чего я раньше не видел. Страх. Настоящий, древний, животный страх.

— Пять лет назад она утонула в пруду за фермой, — сказал он тихо. — Утонула, потому что пошла туда после заката. Её нашли утром, и на лице у неё была улыбка. Такая же, как сейчас. Она зовёт. Всегда зовёт. И если ты пойдёшь за ней — не вернёшься.

Мы вернулись в город к вечеру. Я был вымотан, но не работой. Я был вымотан тем, что видел. Аким Львович молчал всю дорогу, и я тоже молчал. Когда мы подъехали к мастерской, он выключил двигатель и повернулся ко мне.

— Ты видел её, — сказал он. — Значит, ты уже в игре.

Они почувствовали тебя. Твою тень.

— Что это значит?

— Это значит, что ты не случайно здесь оказался. Тебя выбрали. Или ты выбрал сам, но ещё не знаешь об этом.

Он вышел из машины и пошёл к мастерской. Я остался сидеть, глядя на город, который засыпал. Ставни закрывались, свет гас, и тишина становилась плотной, как вода. Я посмотрел на свою тень — она лежала на сиденье рядом со мной. Длинная, тёмная, неподвижная. Но я знал, что она смотрит. И я знал, что она улыбается.

В кармане снова лежал апельсин. Я не помнил, как он там оказался. Но на этот раз я не выбросил его. Я положил его на стол в комнате над гаражом. Я не собирался его есть. Просто хотел посмотреть, что будет. И когда я лёг спать, я впервые за три ночи закрыл глаза и уснул без снов.

А утром апельсина на столе не было. Вместо него лежала фотография. Старая, выцветшая, с загнутыми углами. На ней были два мальчика — один постарше, другой помладше. Они стояли у реки, и оба улыбались. Я узнал их. Это были я и мой брат Илья. За семь лет до того, как он умер. За семь лет до того, как я его убил.

Я перевернул фотографию. На обратной стороне было написано корявым почерком: «Ты вспомнишь. Ты уже начал».

Глава 3. Фотография

Я держал фотографию в руках и чувствовал, как пальцы

дрожат. Это было странно, потому что я давно разучился дрожать. В тюрьме дрожь — это слабость, а слабость — это смерть. Я научился контролировать своё тело так же, как научился контролировать свой страх. Но сейчас руки не слушались, и это было унижительно.

На фотографии мне было двенадцать, а Илье — девять. Мы стояли у реки, которая текла за нашим домом. Это было лето, жаркое и длинное, и мы были счастливы. Я помнил этот день, потому что это был последний день, когда мы были счастливы по-настоящему. На следующий день отец ушёл из дома и не вернулся. Мать плакала три дня, а потом перестала. Она больше никогда не плакала, и это было хуже слёз.

Я перевернул фотографию и снова посмотрел на надпись. Почерк был корявым, но я узнал его. Это был почерк Ильи. Он всегда писал как курица лапой, и учителя ругали его за это. Я помнил, как он злился и говорил, что почерк — это не главное. Главное — это то, что ты хочешь сказать. А он всегда хотел сказать что-то важное. Он всегда хотел, чтобы его слушали.

Я положил фотографию на стол и сел на кровать. В комнате было тихо, и только капли воды падали в таз внизу. Кап. Кап. Кап. Я считал их, потому что это помогало не думать. Один, два, три, четыре. Я считал и вспоминал. Вспоминал тот день, когда всё закончилось. Тот день, когда я убил своего брата.

Это было пять лет назад. Я вышел из тюрьмы на два дня

раньше срока за хорошее поведение и поехал домой. Я хотел увидеть Илью и сказать ему, что я прощаю его. Я хотел сказать ему, что мы можем начать всё сначала. Я хотел... Я не знал, чего я хотел. Я знал только, что должен его увидеть.

Дом был пуст, когда я приехал. Дверь была открыта, и ветер гонял по полу старые газеты. Я вошёл и почувствовал запах. Запах дыма и апельсинов. Я не понял тогда, что это значит. Я не понял, что это предупреждение.

Я нашёл Илью в подвале. Он сидел на полу и смотрел в стену. Он не обернулся, когда я вошёл. Он просто сидел и смотрел, и я понял, что он не один. Рядом с ним стояла тень. Тень, которая не была его тенью. Она была длиннее и темнее, и у неё были руки, которые тянулись к Илье. Я закричал и бросился к нему. Я схватил его за плечи и потряс. Он обернулся, и его глаза были пустыми. Он улыбнулся, и это была не его улыбка. Это была улыбка тени.

— Ты пришёл, — сказал он. — Я знал, что ты придёшь. Она сказала, что ты придёшь.

— Кто она?

— Тень. Она говорит со мной. Она говорит, что ты должен вспомнить. Она говорит, что ты должен открыть дверь.

Я не понял тогда, что он имеет в виду. Я не понял, что дверь — это не дверь в доме. Я не понял, что дверь — это я сам. Я просто схватил его и потащил наверх. Я хотел вытащить его из этого дома, из этого города, из этой жизни. Но он сопротивлялся. Он кричал и вырывался, и я ударил

его. Я ударил его один раз, и он упал. Он ударился головой о ступеньку, и кровь потекла по его лицу. Я стоял и смотрел, как он умирает. Я смотрел, как жизнь уходит из его глаз, и я ничего не делал. Я просто стоял и смотрел.

Потом я вызвал полицию. Я сказал, что это был несчастный случай. Я сказал, что он упал сам. Я врал так хорошо, что мне поверили. Меня судили за непредумышленное убийство и дали семь лет. Я не сопротивлялся. Я знал, что заслужил это. Я знал, что я убийца, и я принял это.

Но теперь, глядя на фотографию, я понял, что что-то не так. Я вспомнил глаза Ильи в тот день. Они были пустыми, но в них было что-то ещё. Что-то, что смотрело на меня. Что-то, что улыбалось. Я вспомнил, как он сказал: «Она говорит, что ты должен вспомнить». И я понял, что тень была не его. Тень была моя. Она всегда была моя.

Я встал и подошёл к окну. За окном было утро, и город просыпался. Люди выходили из домов и шли по улицам. Они не смотрели вверх, и я понял почему. Они боялись увидеть небо. Они боялись увидеть то, что смотрит на них сверху. Я посмотрел на небо, и оно было серым и пустым. Но я знал, что там что-то есть. Что-то, что ждёт.

Я услышал шаги на лестнице и обернулся. Аким Львович стоял в дверях и смотрел на меня. В его руках была кружка кофе, и он пил её маленькими глотками.

— Ты нашёл фотографию, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да.

— Значит, они начали. — Он вошёл в комнату и сел на стул. — Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Это значит, что они хотят, чтобы ты вспомнил. Они хотят, чтобы ты открыл дверь. Но ты не должен. Ты слышишь? Ты не должен.

— Почему?

— Потому что если ты откроешь дверь, они войдут. И тогда уже ничего нельзя будет исправить. — Он посмотрел на меня, и в его глазах была боль. — Я знаю, о чём говорю. Я открыл дверь двадцать лет назад. И я до сих пор не могу её закрыть.

Он встал и вышел, оставив меня одного с фотографией и с вопросами, на которые я не знал ответов. Я снова посмотрел на неё. На двух мальчиков у реки. На счастливые лица. На ложь, которая длилась семь лет. И я понял, что Аким Львович прав. Я не должен открывать дверь. Но я также знал, что не смогу этого не сделать. Потому что дверь уже была приоткрыта, и что-то уже смотрело через щель. И это что-то улыбалось.

Глава 4. Пруд

Прошло три дня. Три дня работы, три дня тишины, три дня, когда я не слышал стука. Я начал думать, что всё закончилось. Что тень ушла, что апельсины исчезли, что город

принял меня и оставил в покое. Но я ошибался. Город не оставлял никого в покое. Он просто ждал.

На четвёртый день Аким Львович отправил меня на ферму Гарри. Трактор снова сломался, и Гарри просил помощи. Я не хотел ехать. Я помнил девушку в поле и её улыбку. Я помнил слова Акима Львовича о том, что она мертва. Но я не мог отказаться. Работа есть работа, а я был должником этого города.

Я приехал на ферму к полудню. Гарри встретил меня у ворот и проводил к трактору. Он не смотрел мне в глаза, и я понял, что он боится. Боится меня или того, что я могу увидеть. Я не стал спрашивать. Я просто начал работать.

Трактор был старый и ржавый, и я возился с ним до вечера. Когда солнце начало садиться, я собрал инструменты и пошёл к пикапу. И тогда я увидел пруд. Он был за фермой, в низине, окружённый старыми ивами. Вода в нём была чёрной и неподвижной, и она не отражала небо. Она не отражала ничего. Я стоял и смотрел на неё, и что-то тянуло меня к ней. Что-то, что было сильнее страха.

Я подошёл к пруду и посмотрел в воду. Я ожидал увидеть своё отражение, но увидел другое. Я увидел Илью. Он стоял на дне пруда и смотрел на меня. Его лицо было бледным, а глаза — пустыми. Он не улыбался. Он просто смотрел, и в его взгляде было что-то, что я не мог понять. Что-то, что было похоже на просьбу.

— Илья, — прошептал я, и голос мой дрогнул.

Он открыл рот, и я услышал голос. Но это был не его голос. Это был мой голос. Тот же голос, который я слышал ночью за дверью. Тот же голос, который шептал мне из тени.

— Ты должен вспомнить, — сказал голос. — Ты должен вспомнить, что ты сделал. Ты должен вспомнить, кем ты стал.

— Я не понимаю.

— Ты понимаешь. Ты просто не хочешь понимать. Ты убил меня, Марк. Ты убил меня, потому что я знал правду. Я знал, что ты сделал. Я знал, что ты скрываешь. И ты убил меня, чтобы я замолчал.

— Нет. Это был несчастный случай. Я не хотел.

— Ты хотел. Ты хотел этого больше всего на свете. Ты хотел, чтобы я замолчал. И я замолчал. Но теперь я снова говорю. И ты будешь слушать.

Я отшатнулся от пруда и упал на землю. Я смотрел на воду, и она была спокойной. Илья исчез, и на поверхности не было ничего, кроме моего собственного отражения. Но это было не моё отражение. Это было отражение человека, которого я не знал. Человека с пустыми глазами и улыбкой, которая не была улыбкой.

Я встал и побежал к пикапу. Я не оглядывался. Я просто бежал, потому что знал, что если обернусь, то увижу что-то, что меня убьёт. Я сел в машину и завёл двигатель. И тогда я услышал голос. Он шёл откуда-то из глубины машины, из глубины меня самого.

— Ты не можешь убежать, Марк. Ты никогда не сможешь убежать. Потому что я — это ты. Я — та часть тебя, которую ты похоронил. И я вернусь. Я вернусь, и ты будешь слушать.

Я доехал до города на автопилоте. Я не помню дороги. Я помню только, как вошёл в мастерскую и как Аким Львович посмотрел на меня. Он ничего не сказал. Он просто налил мне кофе и сел напротив. Мы сидели молча, и я чувствовал, как что-то меняется внутри меня. Что-то, что я не мог контролировать.

— Ты видел его, — сказал наконец Аким Львович. — В пруду.

— Да.

— Это не он. Это то, что осталось от него. Тень не умирает. Она просто ждёт. И она нашла тебя.

— Что мне делать?

— Ничего. Ты не можешь ничего сделать. Ты можешь только не открывать дверь. Ты можешь только не слушать. Ты можешь только не вспоминать. — Он посмотрел на меня, и в его глазах была усталость. — Но ты уже слушаешь. И ты уже вспоминаешь. И я не знаю, сможешь ли ты остановиться.

Он встал и пошёл к выходу. У двери он обернулся.

— Есть ещё одно правило, — сказал он. — Я не сказал тебе его в первый день, потому что думал, что ты не дойдёшь до этого. Но ты дошёл. Так что слушай. Никогда не смотри в воду после заката. Никогда не смотри в своё отражение. Потому что там ты увидишь не себя. Ты увидишь то, что живёт

внутри тебя. И оно увидит тебя.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Я остался один в мастерской, и тишина стала плотной, как вода. Я посмотрел на свои руки и увидел, что они дрожат. Я сжал их в кулаки и закрыл глаза. И тогда я услышал шёпот. Тихий и настойчивый. Шёпот, который шёл из глубины меня самого.

— Ты вспомнишь, — говорил он. — Ты вспомнишь всё. И тогда ты поймёшь. Ты поймёшь, кто ты на самом деле. Ты поймёшь, что ты не жертва. Ты палач. И ты всегда им был.

Глава 5. Соседка

На следующий день я познакомился с Верой Павловной. Она жила в доме напротив мастерской, в маленьком домике с покосившимся крыльцом и геранью на окнах. Герань была единственным ярким пятном в этом сером городе, и это было странно. Я заметил её, когда вышел утром за хлебом. Она стояла на крыльце и смотрела на меня. Она была старая, очень старая, с морщинистым лицом и глазами, которые видели слишком много.

— Ты новый, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да.

— Из тюрьмы.

— Да.

— Хорошо. Значит, ты не будешь задавать лишних вопросов. — Она усмехнулась и махнула рукой. — Заходи. Чаю попьём.

Я не хотел идти. Я не хотел говорить с ней. Но что-то в её взгляде было такое, что заставило меня согласиться. Может, это было любопытство. Может, это было отчаяние. Я не знал.

В доме пахло сушёными травами и старыми книгами. Вера Павловна усадила меня за стол и налила чай. Чай был крепкий и горький, и я пил его маленькими глотками.

— Ты видел её, — сказала Вера Павловна. — Девушку в поле.

— Да.

— Все её видят. Она приходит к тем, кто ещё не вспомнил. Она зовёт их. Она хочет, чтобы они вспомнили.

— Вспомнили что?

— То, что они сделали. То, что они похоронили. — Она посмотрела на меня, и в её глазах была жалость. — Ты знаешь, что этот город не обычный?

— Догадываюсь.

— Это не догадка. Это правда. Этот город стоит на месте, где когда-то было что-то другое. Что-то древнее. Что-то, что питается воспоминаниями. Люди приходят сюда, потому что им некуда идти. Они остаются, потому что не могут уехать. И они забывают, потому что не хотят помнить. Но город не даёт им забыть. Он заставляет их вспоминать. И те, кто не может выдержать воспоминаний, уходят. Но они не уезжают. Они просто исчезают.

— Исчезают?

— Да. Они становятся частью города. Частью теней. Ча-

стью того, что живёт под землёй. — Она отпила чай и продолжила. — Я живу здесь сорок лет. Я видела многое. Я видела, как люди приходили и уходили. Я видела, как они вспоминали и как они забывали. Я видела, как они открывали дверь и как они исчезали. Я не открывала дверь. Я не вспоминала. И поэтому я всё ещё здесь.

— Почему вы не уедете?

— Потому что некуда. — Она улыбнулась, но улыбка была грустной. — У меня нет никого. У меня нет ничего. Этот город — это всё, что у меня есть. И я не хочу его терять. Даже если он хочет меня съесть.

Она встала и подошла к окну. Она смотрела на улицу, и в её глазах было что-то, что я не мог понять. Что-то, что было похоже на страх.

— Ты слышал, как стучат три раза, — сказала она. — Ты открыл дверь.

— Нет. Я не открыл.

— Но ты хотел. Ты стоял у двери и держал её. Ты чувствовал, как что-то давит с той стороны. Ты слышал голос.

— Да.

— Это был голос твоего брата.

— Да.

— Это не он. Это тень. Тень принимает облик тех, кого мы потеряли. Она говорит их голосами. Она знает, что мы хотим услышать. Она знает, что мы хотим увидеть. И она даёт нам это. Но это ложь. Всё это ложь. И если ты согласишься,

ты умрёшь.

— Что мне делать?

— Ничего. Ты не можешь ничего сделать. Ты можешь только ждать. Ждать, пока тень устанет. Ждать, пока она найдёт кого-то другого. Ждать, пока она оставит тебя в покое. — Она обернулась и посмотрела на меня. — Но она не оставит. Ты особенный. Ты не такой, как другие. В тебе есть что-то, что она хочет. Что-то, что она ищет.

— Что?

— Я не знаю. Но я знаю, что она не остановится. Она будет приходить снова и снова. Она будет стучать. Она будет звать. И однажды ты откроешь. Потому что все открывают. Рано или поздно.

Она проводила меня до двери и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Будь осторожен, Марк, — сказала она. — Не смотри в воду. Не слушай голоса. И не ешь апельсины. Особенно апельсины.

Я вышел на улицу и почувствовал, как холодный ветер бьёт в лицо. Я посмотрел на дом Веры Павловны и увидел, что герань на окнах погасла. Она была чёрной и мёртвой, и я понял, что что-то изменилось. Что-то, что я не мог объяснить. Я пошёл обратно в мастерскую, и всю дорогу чувствовал, что за мной кто-то идёт. Я не оборачивался. Я знал, что если обернусь, то увижу тень. И я знал, что она улыбается.

Глава 6. Три стука

Той ночью стук повторился. Я лежал на кровати и смотрел в потолок, когда слышал его. Один раз. Тихий и осторожный, будто кто-то проверял, сплю ли я. Два раза. Более настойчиво, будто кто-то хотел, чтобы я встал. Три раза. И я понял, что это не почтальон и не сосед. Это то, что ждало меня.

Я не встал. Я лежал и слушал. Стук повторился, и на этот раз он был громче. Три удара, три удара, три удара. Ритм менялся, становясь быстрее и злее. Я слышал, как дребезжит дверь, как скрежещет засов. Я слышал, как что-то давит с той стороны. Что-то большое и сильное. Что-то, что хотело войти.

Я встал и подошёл к окну. Я выглянул на улицу, и то, что я увидел, заставило меня замереть. Улица была не пустой. Она была полна людей. Они стояли и смотрели на мой дом. Они стояли неподвижно, как статуи, и их лица были пустыми. У них не было теней. Я смотрел на них, и они смотрели на меня. И тогда я увидел её. Девушка с фермы стояла в центре толпы. Она смотрела на меня и улыбалась. Она подняла руку и поманила меня пальцем. Я отшатнулся от окна и задернул занавеску.

Стук прекратился. Тишина вернулась, и я стоял посреди комнаты, чувствуя, как колотится сердце. Я не знал, что делать. Я не знал, куда идти. Я был один, и я был в ловушке. Я сел на кровать и закрыл лицо руками. И тогда я услышал

голос. Он шёл изнутри меня. Он шёл из тени.

— Ты видишь их, — сказал голос. — Ты видишь тех, кто открыл дверь. Они стали частью города. Они стали частью меня. И ты будешь следующим. Ты уже почти там. Ты уже почти вспомнил.

— Я не хочу вспоминать.

— Ты хочешь. Ты хочешь этого больше всего на свете. Ты хочешь знать правду. Ты хочешь знать, что произошло в тот день. Ты хочешь знать, почему ты убил меня.

— Я не убивал тебя. Это был несчастный случай.

— Ты убил меня. Ты ударил меня, и я упал. Ты стоял и смотрел, как я умираю. Ты не помог мне. Ты не вызвал скорую. Ты просто стоял и смотрел. И ты знал, что делаешь. Ты знал, что хочешь этого.

— Нет.

— Да. Ты хотел, чтобы я замолчал. Я знал твой секрет. Я знал, что ты сделал. И ты убил меня, чтобы я не рассказал.

— Какой секрет?

— Ты знаешь. Ты всегда знал. Ты просто похоронил это вместе со мной. Но я вернулся. Я вернулся, чтобы напомнить тебе. Я вернулся, чтобы ты вспомнил.

Голос замолчал, и тишина стала ещё более плотной. Я сидел на кровати и чувствовал, как что-то меняется внутри меня. Что-то, что я не мог контролировать. Я вспомнил тот день. Я вспомнил, как ударил Илью. Я вспомнил, как он упал. Но я также вспомнил что-то ещё. Что-то, что бы-

ло до этого. Что-то, что я похоронил глубоко внутри себя. Я вспомнил, что Илья был не один в подвале. С ним была тень. И эта тень была моя. Она отделилась от меня и нашла его. Она говорила с ним. Она рассказала ему мой секрет.

Я встал и подошёл к зеркалу. Я посмотрел на своё отражение, и оно улыбнулось. Но я не улыбался. Я смотрел на себя и видел незнакомца. Человека с пустыми глазами и тёмной улыбкой. Человека, который был способен на всё. Я отвернулся и пошёл к двери. Я спустился вниз и подошёл к входной двери. Я положил руку на засов. Я знал, что не должен открывать. Я знал, что это ловушка. Но я также знал, что не могу больше ждать. Я должен узнать правду. Я должен вспомнить.

Я открыл дверь. На пороге никого не было. Только апельсин. Маленький, ярко-оранжевый, он лежал на пороге и светился в темноте. Я наклонился и взял его. Я посмотрел на него, и он был тёплый. Тёплый, как живое существо. Я поднёс его к лицу и вдохнул запах. Запах был сладким и приторным, и он напомнил мне что-то. Что-то из детства. Что-то, что я забыл. Я поднёс его ко рту и откусил. Сок потек по подбородку, и вкус был знакомым. Вкус был сладким и горьким одновременно. И тогда я вспомнил.

Я вспомнил, что апельсины были любимым фруктом Ильи. Он всегда просил их, когда мы были детьми. Мать покупала их по праздникам, и он ел их с кожурой, потому что не мог ждать. Я вспомнил, как он улыбался, когда ел апель-

син. Я вспомнил, как он говорил, что апельсины — это счастье. Я вспомнил, как он умер. И я вспомнил, что я сделал.

Я упал на колени и заплакал. Я плакал впервые за семь лет. Я плакал, потому что вспомнил. Я вспомнил, что убил своего брата. Я вспомнил, что сделал это, потому что он знал. Он знал, что я сделал. Он знал, что я убил человека. Настоящего человека. Не его. Я убил человека, и Илья видел это. Он видел, как я это сделал. И он хотел рассказать. Он хотел, чтобы я признался. И я убил его, чтобы он замолчал.

Я сидел на полу и плакал, и апельсин лежал рядом со мной. Я смотрел на него, и он смотрел на меня. И тогда я услышал голос. Голос Ильи. Он шёл из тени, и он был спокойным.

— Теперь ты вспомнил, — сказал он. — Теперь ты знаешь. Теперь ты можешь открыть дверь.

— Какую дверь?

— Ту, которая внутри тебя. Ту, которую ты закрыл семь лет назад. Ты можешь открыть её и выпустить меня. Или ты можешь оставить её закрытой и жить с этим до конца.

— Я не хочу жить с этим.

— Тогда открой дверь.

Я встал и посмотрел на тень. Она стояла передо мной, и на этот раз у неё было лицо. Лицо Ильи. Он смотрел на меня и улыбался. Но это была не его улыбка. Это была улыбка тени.

— Я не могу, — сказал я. — Я не знаю как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.